

Сара Нович

TRUE

BIZ

Sara Nović

Сара Нович

КРОМЕ ШУТОК

роман

Перевод с английского
Анны Гайденко

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н73

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Внутренние иллюстрации Британи Касл

Нович, Сара.

Н73 Кроме шуток : роман / САРА НОВИЧ; пер. с англ. А. ГАЙДЕНКО. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-17-153731-9

Ученики школы для глухих Ривер-Вэлли хотят жить обычной жизнью подростков, дружить, влюбляться, учиться и сдавать экзамены, а еще они хотят, чтобы политики, врачи, родители перестали объяснять, что им делать со своими телами. Среди героев книги девочка Чарли, которая никогда прежде не общалась с другими глухими людьми, мальчик Остин, выросший в семье, где глухота передается из поколения в поколение, и директор школы Фебруари, дочь глухих родителей, которая делает все возможное, чтобы Ривер-Вэлли не закрыли. Но и в стране, и в жизни каждого героя происходят драматические события, и нужно либо смириться с переменами, либо отстаивать право самим решать, как им жить дальше.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-153731-9

- © Sara Nović, 2022
- All rights reserved
- © Tree Abraham, cover illustration
- © Illustrations by Brittany Castle
- © А. Гайденко, перевод на русский язык, 2024
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2024
- © ООО “Издательство АСТ”, 2024
- Издательство CORPUS ®

*Учи щимся Школы для глухих Роки-М унтин,
Пенсильв нской школы для глухих,
Флоридской школы для глухих и незрячих,
Школы Святой Риты для глухих
и глухим людям во всем мире.*

Те, кто рожден глухими, лишены чувств и способности к рассуждению.

АРИСТОТЕЛЬ, 384–322 гг. до н.э.

Те, кто, как и я, полагает формирование неполноценной человеческой расы страшным бедствием для всего мира, тщательно изучат причины, приводящие к бракам между глухими, с тем чтобы исправить положение дел.

АЛЕКСАНДР ГРЭМ БЕЛЛ, 1883 г.

Производитель удивительных медицинских приборов под названием кохлеарные импланты, которые возвращают глухим слух, годами продавал детям и взрослым неисправные устройства — даже после того, как выяснилось, что значительная их часть не справилась со своей задачей.

“Эн-би-си ньюс”, 14 м рт 2014 г.

Фебруари Уотерс было девять, когда она — посреди урока математики, на глазах у всех — воткнула себе в ухо “тикондерогу” номер два. Учительница писала мелом на доске таблицу умножения на двенадцать, поэтому у Фебруари появилась возможность заточить карандаш, скрежет которого привлек внимание витавших в облаках детей, и их взгляды устремились на нее, пока она шла через весь класс к учительскому столу. Фебруари неловко влезла на вращающееся кресло с тканевой обивкой, потом взобралась на стол, расставив ноги пошире, и всадила карандаш глубоко в левое ухо.

Класс дружно ахнул, и это вывело заворуженную доской учительницу из задумчивости. Она сняла Фебруари со стола — кровь шла сильнее, чем учительница ожидала — и взвалила ее себе на плечо; всю дорогу до медицинского кабинета за ними тянулся тонкий алый след.

Вытащив грифель и определив, что рана поверхностная, медсестра остановила кровотечение и отвела Фебруари через холл в кабинет директора, где секретарша

подготовила приказ об отстранении от занятий за “агрессивное и буйное поведение, неподобающее ученику”. Потом, едва только было решено, как именно связаться с родителями Фебруари, ее отправили домой на неделю.

Одноклассники Фебруари, оставшиеся в кабинете 4-Б, провозгласили ее героиней, собственной кровью купившей им двадцать пять минут безнадзорного блаженства. Администрация школы, напротив, сочла этот инцидент криком о помощи, учитывая “семейные обстоятельства” Фебруари, как их называл директор. На самом деле, объяснила Фебруари отцу, когда он приехал за ней, она совсем не злилась, а просто устала слушать таблицу умножения, жужжание лампочки в разбитом плафоне над партой и скрежет металлических стульев по полу. Он не знает, каково это — постоянно что-то *слышть*, сказала она. И с этим он поспорить не мог.

Окончательно Фебруари сорвалась, когда Дэнни Браун, сидящий у нее за спиной, прокричал нараспев: “Февралька-вралька, желтый снег пожуй давай-ка!” Только глухие люди могли назвать свою дочь Фебруари, подумала она тогда. Названия некоторых месяцев были вполне приемлемы в качестве имен для девочек — Эйприл, Мэй, Джун, — а ее родители явно что-то недопоняли в этой традиции. С другой стороны, они всегда предпочитали зиму, безмолвное великолепие снега, укутывающего чинкапинские дубы, а красоту в кругу глухих, где росла Фебруари, было принято ценить. Друзей ее родителей безвкусица не смущала, и Фебруари никогда не замечала, чтобы кто-нибудь из них иронизировал над ее именем. Ей не хотелось уходить из этого круга и уж тем более менять его на такую враждебную среду, как четвертый класс.

*Ты можешь считать себя
ч стью мир глухих, — ска-
зала тем вечером мама,
подтыкая ей одеяло. —
Но никогда больше т к
не дел й.*

Конечно, теперь все по-другому, думает Февруари, глядя на двор школы для глухих Ривер-Вэлли и шустрясь от утреннего солнца. Интернет открыл для глухих людей целый мир, и их культура обогатилась, вообраз в себя множество популярных шуточек и сленговых слов. Да и какие только имена не дают своим детям слышащие люди — названия фруктов, животных, сторон света.

Мир глухих больше не убежище для нее, а место работы, и сейчас она здорово влипла. Как директор школы она должна держать руку на пульсе. А она совершила худший из возможных поступков — потеряла чужих детей. Двух мальчиков, Остина Уоркмана и Элиота Куинна, учеников десятого и одиннадцатого классов, соседей по комнате.

Перед Клерк-холлом полиция припарковала фургон с мобильной системой наблюдения, с помощью которой они получают доступ к камерам Министерства внутренней безопасности в Цинциннати и Колумбусе. Они пытаются определить местоположение мальчиков по GPS, но это только возвращает их в общежитие, где под столом в комнате отдыха обнаруживаются три сложенных аккуратной стопкой телефона. Наличие третьего телефона приводит к еще одному кругу проверки комнат, но все ученики на месте. Приезжают родители Элиота и Остина и кричат на смеси языков на Февруари, на полицейских, друг на друга. Приезжает Суолл, начальник окружного управления образования, и тоже кри-

чит, требуя у Фебруари ключи от ее кабинета, чтобы он мог войти туда и написать обращение. На все мобильные номера в ближайших окрестностях будет разослано оповещение. А Фебруари придется выступить в утренних новостях.

Она сбегает в туалет для младших классов, закалывает волосы и красит губы перед низенькой раковиной. Переживает, нормально ли выглядит эта рубашка, и тут же упрекает себя за то, что думает об одежде в такой момент.

Она возвращается во двор и останавливается около полицейского фургона. Уже видно, что для месяца, в честь которого ее назвали, день будет не по сезону теплым — снега нет, в каплях росы на траве отражается солнце. Красивый и ухоженный газон засеян иглтонским мятликом, который уже зазеленел, хотя весна еще не наступила, — этот выносливый сорт она выбирала сама, потому что он отлично подойдет для пикников и игры в “разрывные цепи”. Она всегда прилагала все усилия, чтобы ученикам здесь жилось как можно лучше.

Фебруари пытается собраться с духом перед выступлением, подыскать слова, которые могли бы утихомирить истерику или, по крайней мере, не подливали бы масла в огонь. “Потерялись” — это неправильно, не стоит так говорить: она их не теряла. Скорее уж они сбежали, хотя в таком случае школа будет ассоциироваться с тюрьмой. Слово “беглецы” заряжено тревожными смыслами, намекает на жестокое обращение. В конце концов она останавливается на “пропали” — пассивном варианте, позволяющем ни на кого не возлагать ответственность.

Появляется Суолл и вручает Фебруари обращение, школьные фотографии Элиота и Остина размером восемь на десять дюймов и большую кружку. Глотая кофе,

она разглядывает фотографии — оба мальчика одеты в рубашки, выглядят опрятно и смотрят доброжелательно, хотя и не то чтобы улыбаются. Глаза у Остина знаменитого зеленого цвета Уоркманов, светлого, почти мятного оттенка. У Элиота — такие темные, что кажутся практически черными, и она пытается не отводить от них взгляда, чтобы не видеть шрамы на его щеке. На мгновение ее охватывает чувство, что мальчики смотрят на нее в ответ, и она часто моргает, чтобы отогнать эту мысль. Потом она отдает кружку Суоллу и поднимается на импровизированную трибуну.

Когда их выводят в прямой эфир, Фебруари показывает фотографии и откладывает их, чтобы одновременно вслух и жестами кратко описать приметы каждого мальчика, а потом переходит к обращению начальника управления образования: Школа для глухих Ривер-Вэлли круглосуточно сотрудничает с шерифом округа Колсон и делает все возможное, чтобы вернуть своих учеников в целостности и сохранности как можно быстрее. Если вы увидите этих детей, пожалуйста, позвоните по номеру на экране. Когда она произносит последнюю фразу, в кармане у нее вибрирует телефон. Отвлечшись, она выдерживает паузу чуть дольше, чем стоило бы. Репортеры обрушивают на нее шквал вопросов, в основном неразборчивых, за исключением вопроса от стоящего ближе всех к ней человека:

Не беспокоит ли вас судьба мальчиков, учитывая их особенность?

Фебруари ощетинивается. Она знает, что сейчас не время рисоваться, но надо что-то сказать.

Да, меня беспокоит судьба моих учеников, — говорит она. — Как беспокоила бы судьба любого пропавшего подростка.

Но если они не слышат...

По уровню интеллекта они ничем не уступают своим слышащим сверстникам.

У них есть импланты?

Фебруари ошеломлена тем, как беззастенчиво он требует от нее ответа, но старается этого не показывать.

Я не уполномочена разглашать информацию о здоровье несовершеннолетних по телевидению, сэр, — говорит она.

Репортер краснеет, но еще не готов лишиться внимания публики:

Есть какие-нибудь свидетельства преступления? Ожидаете ли вы уголовного преследования?

Он прижимает микрофон к ее подбородку и бросает на нее сочувственный взгляд, в котором сквозит фальшь.

Прошу прощения, я должна поговорить с полицией, — отвечает она.

Она отходит от трибуны, но лицо репортера так и стоит у нее перед глазами. Он прав — Элиот и Остин подвергаются большей опасности, чем если бы были слышащими, хотя и не в том смысле, который он имел в виду. Что, если патрульный увидит их и окликнет, но они не остановятся? Что, если им действительно нужна помощь, но у них нет возможности позвонить в полицию? Что, если все кончится хорошо и они вернутся невредимыми, но органы опеки используют этот инцидент как повод усилить свое влияние в дебатах о кохлеарной имплантации? Она читала, что такое происходило в других штатах. Фебруари приходится прикусить губу, чтобы не поддаться панике, — она снова забегает вперед. Она проверяет телефон. Сообщение было от Мэл: ты как? Она не знает, что ответить. Засовывает телефон обратно в карман и, подняв глаза, видит еще одного родителя, отца Чарли Серрано, прислонившегося к полицейскому фургону.

Доктор Уотерс? — говорит он, и его голос оказывается гораздо тоньше, чем можно предположить по его фигуре.

Не сейчас! — хочется крикнуть ей. — Ваш случай отложим до другого раза.

Но она держит себя в руках и вместо этого говорит:

Мистер Серрано, у нас тут небольшая проблема. Кампус сегодня закрыт, так что пусть Чарли еще побудет дома.

Он бледнеет.

Вы хотите сказать, что ее здесь нет?

Нет, а... у вас все в порядке?

Просто, кажется, вчера вечером она ушла из дома, и она не с моей бывшей женой, так что я подумал, может быть...

Он обводит взглядом двор.

Мать твою, — бормочет она себе под нос. Три телефона.

Что? — говорит отец Чарли.

Он наваливается на машину всем телом, сжимает руки.

Я сейчас, — Фебруари указывает на опознавательные знаки полиции, наклеенные на кузов, — только введу их в курс дела.

Подождите...

Я быстро, правда, сэр, — говорит она. Потом обходит фургон, и ее выворачивает на переднее колесо только что выпитым кофе.